

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ларионов В.В. От антропоцентризма к сетецентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн // Философская мысль. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.1.72799 EDN: QSHZWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72799

От антропоцентризма к сетецентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн

Ларионов Виктор Владимирович

ORCID: 0000-0002-3082-9763

аспирант, институт социальных и гуманитарных наук; Вологодский государственный университет
162605, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Первомайская, 38А, кв. 16

✉ larsvic79@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия техники"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.1.72799

EDN:

QSHZWC

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2024

Аннотация: Современные войны отличаются широкомасштабным применением безэкипажных аппаратов, основные боевые задачи которых, в настоящее время выполняют беспилотные летательные аппараты. Практики применения дронов широко изучены в рамках современной военной науки, в то же время особенности ведения сетецентристической войны с использованием дистанционного оружия в настоящее время до конца не осмыслены, что определяет актуальность проводимого исследования. Объектом проводимого исследования являются гуманитарные последствия внедрения современных видов дистанционного оружия. В качестве предмета исследования выбран процесс трансформации антропоцентрических войн в войны сетецентрического характера в виду активного использования сторонами конфликта неконвенционального оружия, к которому следует отнести дроны гражданского назначения, или иными словами беспилотные летательные аппараты вертикального взлета и посадки. В качестве методологической основы проводимого исследования могут быть использованы концепция сетецентризма и механизм окон Овертона. Новизна исследования состоит в выявлении и описании процесса трансформации классической (антропоцентрической)

концепции войны в сетевентрическую вследствие внедрения дистанционного оружия. Масштабным войнам, шедшим на истощение, на смену пришли вооруженные конфликты, в которых определяющим фактором борьбы стало время. Основу успеха военных операций определяет наличие высокоскоростной адаптивной информационно-коммуникационной сети управления подразделениями и оружием. Прямое вторжение заменилось точечными ударами, направленными не на проведение ответных действий, а на заблаговременное устранение потенциальных носителей угроз способных эти действия организовать и провести. Объединение на платформе дронов добывающих, информационно-управляющих и исполнительных элементов сделало их универсальным поражающим инструментом способным превратить любой неуправляемый снаряд в высокоточное оружие. Дроны смогли трансформировать своим вмешательством жизненный уклад мирного населения, осуществляя его социальную изоляцию, порождая тотальную вражду и еще большее насилие. Асимметризация современных войн делает синонимами «победу» и «гуманитарную катастрофу», «гуманизм» и «убийство», а генезис развития технологий дронов противопоставил огнестрельному, ядерному и высокоточному оружию обычное радиоуправляемое устройство, которое стало особенно популярным среди военных и представителей современного гуманизма.

Ключевые слова:

антропоцентризм, гуманизм, дрон, оружие, окна Дж. Овертона, сетевентризм, паноптизм, симбиоз, сопутствующий ущерб, цикл OODA

Введение

За последние несколько лет слово «дрон» стало звучать в средствах массовой информации и в разговорной речи россиян практически ежедневно. Оснащение беспилотных летательных аппаратов современными системами навигации, связи, управления, радиолокации, средствами оптической и радиоэлектронной разведки, а также комплексами автоматического управления оружием позволило не только обнаруживать и отбирать вражеские цели, но и уничтожать их [\[1\]](#), сделав дрон универсальным и «совершенным оружием» в руках человека. В настоящий момент развитие безэкипажных аппаратов переживает очередной внутренний симбиоз (термин заимствован из эволюционной теории Л. Маргулис [\[2\]](#)), направленный на внедрение искусственного интеллекта в качестве источника управления и принятия решений. Проведенные испытания показали, что выполнение поставленной задачи любыми способами является первоочередной целью, выполняя которую, беспилотник, управляемый искусственным интеллектом, способен устранить своего оператора, даже если последний ввел отмену ранее поставленной задачи [\[3\]](#). Успешное применение дронов в воздушном пространстве позволило переосмыслить традиционную концепцию ведения вооруженного противоборства в пользу дистанционной войны, запустив процесс разработки наземных, надводных и подводных безэкипажных аппаратов, изменив тем самым не только отношение общества к военной технике в целом, но и инициировав новый этап машинно-человеческих взаимодействий.

В качестве степени изученности вопросов применения тяжелых разведывательно-ударных дронов военного назначения с неподвижным крылом следует выделить исследования П. У. Сингера [\[4\]](#) и Г. Шамаю [\[5\]](#). Военно-технический потенциал дронов рассмотрен П. Счарре [\[6\]](#), доводы в пользу применения беспилотников представлены

сборником под редакцией Б. Строузера [7], а антагонистическое мнение работой М. Бенжамен [8]. В отечественной литературе философские подходы к использованию дронов, приводящих к трансформации военных действий постгероических обществ, представлены работами Н. А. Балаклец [9, 10]. Основы устройства, применения и борьбы с беспилотными летательными аппаратами рассмотрены в работах П. П. Афанасьева [11] и В. И. Литвиненко [12]. Концепт невидимого врага, определяющего реалии технанизированной войны и идентичность ее участников, эксплицируется в работах В. С. Соловьева [13, с. 198-423], Л. П. Карсавина [14, с. 621-766], Э. Юнгера [15], А. Ф. Степуна [16], К. Шмитта [17], Г. Шамаю [5] и других авторов. Вопросы беспрецедентной асимметризации парадигмы современной войны, достигаемой комбинированным применением беспилотников военного и гражданского назначения, активно обсуждаются российскими учеными, журналистами и общественными деятелями не только в средствах массовой информации, но и в популярных мессенджерах, среди которых можно выделить Telegram-каналы А. В. Чадаева (<https://chadayev.ru>) и А. Ю. Коробова-Латынцева (https://t.me/s/korobov_latyncev).

Новизна исследования состоит в выявлении и описании процесса трансформации классической (антропоцентрической) концепции войны в сетевентрическую вследствие внедрения дистанционного оружия. Объектом проводимого исследования являются гуманитарные последствия внедрения современных видов дистанционного оружия. В качестве предмета исследования выбран процесс трансформации современных войн вследствие превращения дронов гражданского назначения в неконвенциональное оружие. Практики применения дронов широко изучены в рамках современной военной науки, о чем говорит приведенный список используемой литературы, в то же время особенности ведения сетевентрической войны с использованием дистанционного оружия в настоящее время до конца не осмыслены, что определяет актуальность проводимого исследования. В качестве методологической основы для проведения системного исследования могут быть использованы концепции сетевентризма и механизм окон Дж. Овертона.

Антропоцентрические войны

Доктрина вооруженного противоборства до XXI века сводилась к изучению фронтов, боевых порядков и прямых столкновений, успех проведения которых зависел от индивидуальных возможностей боевых единиц. По этой причине разработка вооружения велась с целью повышения его бронезащиты, мобильности, огневой мощи и точности поражения. Возможность объединения в сеть предусматривалась, но не позволила добиться того эффекта, который в настоящее время дают современные информационные технологии. В информационно-коммуникационном пространстве антропоцентрические войны характеризуются строгим иерархическим типом архитектуры, уязвимым к внешним воздействиям и технической несовместимостью форматов данных, поступающих в центры принятия решений. Интервал времени, затрачиваемый на сбор данных от разных источников, их корреляцию, обработку и трансформацию в информацию о цели позволяет в ряде случаев самой цели успеть покинуть зону поражения до принятия решения об ее уничтожении.

Антропоцентрический характер использования военной техники рассматривал саму технику и оружие как продолжение тела человека, проецируя и усиливая вовне его физические возможности. Каким бы защищенным ни был танк или точным артиллерийское орудие, ими управляет человек, определяя своей профессиональной квалификацией

эффективность используемого оружия. Так, в случае низкого уровня подготовки, физической усталости, контузии или ранения стрелка точность производимой стрельбы снижается, а потеря сознания последнего и вовсе делает оружие бесполезным. Радикальное расширение сферы технического в области оружия завершило эпоху антропоморфных машин и механизмов, определив сетцепентрический характер современного вооружения.

Сетцепентризм современных войн

Сетцепентризм современных войн включает в себя не только развертывание цифровых сетей связи для обеспечения горизонтальной интеграции участников операции, отвечающей за взаимодействие между подразделениями своего уровня, но и вертикальной интеграции, определяющей передачу информации между средствами разведки, воздушными платформами и оперативными центрами. Организация когнитивного взаимодействия между органами управления и вооруженными формированиями предполагает адаптивное изменение тактики действий подразделений с рассредоточенными боевыми порядками, оптимизацию разведки, а также упрощение механизмов согласования и огневого поражения. Формирование единого информационно-коммуникационного пространства с распределенной сетевой архитектурой менее подвержено воздействию преднамеренных помех и позволяет добиться от объединенных в сеть средств вооруженной борьбы высоких боевых возможностей значительно превышающих эффективность от применения тех же средств по отдельности, что было недоступно в эпоху антропоцентрических войн.

Оценка степени влияния сетцепентризма на эффективность применения вооруженных формирований, в которые входят добывающие, информационно-управляющие и исполнительные элементы, может быть произведена посредством использования теории декомпозиции стратегических целей Дж. Вардена [\[18\]](#) и теории циклов управления Дж. Бойда OODA (Observe – наблюдай, Orient – ориентируйся, Decide – решай, Act – действуй) [\[19, с. 124-137; 20\]](#). Одним из путей повышения эффективности наносимых ударов согласно теории Дж. Бойда является достижение меньшего временного интервала, требуемого на выполнение полного цикла OODA, чем у противника, что может быть реализовано путем минимизации времени выполнения каждого из его подциклов по отдельности. Техническая эволюция дронов, начавшаяся с оптимизации подцикла «наблюдай», в конечном итоге позволила реализовать на одной платформе весь цикл OODA, объединив в себе добывающие, информационно-управляющие и исполнительные элементы сетцепентрической войны.

Дроны как инструмент перехода от антропоцентрических к сетцепентрическим войнам

История дронов берет свое начало от радиоуправляемых моделей самолетов, которые в начале Второй мировой войны использовались в качестве мишеней для обучения курсантов американских артиллерийских училищ технике прицеливания и уничтожения летящих объектов [\[5, с. 33\]](#), чему способствовало активное использование авиации сторонами конфликта. Телеархический механизм, попадая во враждебную среду, подвергается агрессивному воздействию ее факторов. В случае с радиоуправляемыми моделями самолетов таким фактором выступал прицельный огонь, производимый из различных видов стрелкового оружия. Вопросы сохранения жизни пилотов и создание дистанционного оружия получили широкое распространение в научных кругах в начале XX века. Так, в 1934 году В. Зворыкин, предложив соединить радиоуправляемую торпеду с электрическим глазом, заложил основной принцип построения современных умных

бомб и боевых дронов [\[5, с. 99\]](#), а автором идеи оснащения роботов-самолетов телевизионными камерами для ведения разведки позиций противника в 1944 году стал Б. Херши [\[21, р. 15-16\]](#). Практической реализации в рассматриваемом историческом периоде эти предложения не получили в виду того, что технологическое развитие обладает собственной движущей силой и не всегда способно удовлетворить потребности человека.

Возросшая роль ударной авиации потребовала от инженеров поиска решений по защите воздушного пространства. Развитие автоматизированных военных технологий в области противовоздушной обороны не исключало возможности нанесения авиационного удара, но потери для атакующей стороны в этом случае были бы велики и неоправданы. Основу следующего симбиоза дронов составила необходимость вскрытия мест дислокации комплексов противовоздушной обороны противника с целью их последующего уничтожения перед нанесением основного удара. Функция отслеживания ракет класса «земля-воздух» [\[22, с. 14\]](#) посредством беспилотных летательных аппаратов «Lightning Bugs» (Жуки светлячки) компании Ryan была реализована во время войны во Вьетнаме. Использование дронов в виде ложных целей в 1973 году против Египта и в качестве средств наблюдения в 1982 году против Сирии позволило Израилю вскрыть расположение противовоздушных батарей и захватить господство в воздухе.

С появлением технологий беспилотных летательных аппаратов модель традиционной наземно-центричной войны в виду своей архаичности была пересмотрена в пользу войны аэроцентричной. Выполнение боевых задач по скрытому наблюдению, выявлению скопления личного состава и средств огневого поражения на территории противника является неотъемлемой частью партизанского рейда [\[23, с. 274\]](#), что, несомненно, наделяет дрон статусом «партизана». В тоже время ввиду отсутствия возможности уничтожения обнаруженных объектов партизан из дрона получается в некотором роде неполноценным. Перерождение дистанционно управляемого пассивного механизма разведки, наблюдения и идентификации в настоящего хищника, способного уничтожать обнаруженные военные объекты и «живые мишени» произошло в результате внутреннего симбиоза, соединившего в единое целое беспилотные летательные аппараты и средства огневого поражения, успешная апробация которых была проведена армией США в конце 2001 года в Афганистане [\[24, с. 85\]](#).

Высокая стоимость ударно-разведывательных дронов военного назначения, возможность их обнаружения и уничтожения средствами противовоздушной обороны и истребителями-перехватчиками, а также риск получения доступа к технологиям производства беспилотных летательных аппаратов противником, в результате изучения захваченных образцов, существенно ограничивают применение беспилотников с неподвижным крылом без предварительного достижения господства в воздушном пространстве атакуемого государства. То, чем можно было жертвовать в большом количестве, не опасаясь потери технологий производства, было имплантировано на арену боевых действий из гражданского сектора. Высокое качество изготовления современных дронов вертикального взлета и посадки в совокупности с большими объемами их производства позволили реализовать ранее выдвинутую идею В. Зворыкина, но в обратном порядке. Оснащать устройством видеотрансляции потребовалось не радиоуправляемую торпеду, а наоборот радиоуправляемое устройство видеотрансляции боеприпасами различного вида.

Стоящие на вооружении средства и комплексы противовоздушной обороны оказались малоэффективными для уничтожения дронов вертикального взлета и посадки, что

определенено феномен их массового применения на линии прямого боевого соприкосновения. Широкий модельный ряд, низкая стоимость, наличие высококачественной оптики и навигационных систем, возможность дооснащения механизмами сброса ручных гранат или гранатометных выстрелов, простота в использовании, обслуживании и текущем ремонте позволило решать целый комплекс задач в режиме реального времени. Посредством гражданских дронов ведется разведка, ретрансляция радиосигналов, корректировка огня артиллерийских систем и уничтожение обнаруженных целей, осуществляется дистанционное минирование. Применение дронов-камикадзе в режиме «роя» способно не только осуществить полную перегрузку средств противовоздушной обороны, но и произвести их уничтожение, не действуя при этом средства доставки противорадиолокационных ракет.

Беспилотные летательные аппараты, используемые в сельском хозяйстве для обработки посевов в целях их защиты от вредителей, могут быть переоборудованы для распыления боевых отравляющих веществ. Такой разворот от использования беспилотных летательных аппаратов в мирных целях в сторону ведения военного противоборства превращает их в настоящее неконвенциональное оружие, дооснащение и быстрый ремонт которого может оперативно производится непосредственно в районах дислокации воинских подразделений посредством технологий 3D-печати. Мирный дрон, даже из разряда игрушечных радиоуправляемых моделей самолетов, вертолетов, автомобилей и катеров, оснащенный боеприпасом, может легко добраться до общественных мест с большим скоплением людей, став доступным дистанционным оружием для «бедных». Учитывая возможность кустарного изготовления дронов из имеющихся в свободной продаже узлов и механизмов, удары по инфраструктуре и критическим объектам противника могут наноситься с территории непосредственно ему подконтрольной, как силами диверсионно-разведывательных групп, так и силами прокси-отрядов.

Взаимодействие субъекта с дроном опосредовано доступными средствами визуального отображения информации. Оператор ориентируется не столько на свое зрительное впечатление происходящего, сколько на экран средства отображения (монитор, смартфон, очки виртуальной реальности и др.), на который выводятся транслируемые посредством видеокамер беспилотных летательных аппаратов стационарные и движущиеся объекты в режиме реального времени. Трансляция вертикальной и горизонтальной проекции с беспилотника воспринимается субъектом на устройстве отображения как графический контент современных компьютерных игр. Вертикальная проекция в большей степени сопоставима с играми с элементами стратегии, в которых на основе визуальных образов и получаемых данных необходимо просчитывать возможные ходы противника, использовать его слабые места и оперативно управлять своими подразделениями. Горизонтальную проекцию, широко используемую в экшен играх от первого лица, дает применение дронов на малых высотах в черте городской застройки во время преодоления препятствий. Наведение артиллерийских систем, решение на применение силового воздействия и объективный контроль ведутся оператором исключительно на основании визуального контакта с устройством отображения, а не на реальном наблюдении и это различие часто не находится в сознательном фокусе субъекта. Виртуализация происходящего обезличивает восприятие врага, переводя его в разряд персонажей компьютерных игр, уничтожение которых нередко сопровождается проявлением агрессии и излишней жестокости, вызывая широкий общественный резонанс в области гуманного ведения вооруженного противоборства.

Сетецентристические войны и современные представления о гуманизме

Гуманизм в широком смысле определяется как исторически изменяющаяся система

воззрений, признающая ценность человека как личности [25, с. 130], что позволяет трактовать военный гуманизм как деятельность, направленную на соблюдение принципов и норм международного гуманитарного права, на запрет на использование определенных видов оружия и на снижение жестокости вооруженного конфликта. Основанием для критики современного гуманизма выступает действующий принцип неприкосновенности комбатантов, а не гражданского населения, характерного для вооруженных конфликтов последних десятилетий. Контроль территорий в аэроцентричной войне строится на основе концепта «kill-box» («куб смерти») [5, с. 67], определяющего на географической карте местности границы зоны полного истребления. Работа пилотов самолетов в пределах границ «kill-box» на высоте недоступной для средств противовоздушной обороны противника минимизирует потери военно-воздушных сил, но значительно снижает точность наносимых ударов, погрешность которых выражается в жертвах среди мирного населения и в разрушениях объектов инфраструктуры не военного назначения. Современные дроны обладают более высокой точностью нанесения ударов, и транслируемый ими видеопоток выполняет не только объективный контроль обнаружения цели, ее атаки и результатов огневого воздействия, но и выступает в роли доказательной базы совершенного убийства. Распространение такого видеоконтента в средствах массовой информации и в ГИС Интернет производится государственными силовыми структурами в качестве отчета о проведенных мероприятиях по противодействию угрозам национальной безопасности, а повстанцами или террористическими организациями с целью устрашения своих противников и мирного населения. Оба приведенных примера больше напоминают проведение публичных казней, которые не только пересматриваются и оцениваются, но также активно обсуждаются в обществе на предмет эффективности используемых способов убийства и предсмертных мучений жертвы.

Парадигма рыцарского гуманизма эпохи западноевропейского средневековья, вызывавшая в обществе уважение, поклонение и подражание [26, с. 83], по мере создания и модификации дистанционного оружия теряла свою моральную актуальность. Увеличение дальности стрельбы и пробивной способности оружия территориально удаляло противоборствующие армии друг от друга, а враг, который становится невидимым для своего соперника, не может стать источником нравственного чувства. Общее, что может объединить действия прапорщика-артиллериста Первой мировой войны и пилота самолета, участившего в бомбардировках Косово в 1999 году – это полное отсутствие зрительного контакта с врагом. Но если для Ф. А. Степуна «австрийцы в окопах ... не люди ..., а некий безликий "он". Мы их не видим, потому не знаем; не знаем – не любим. А когда видим и знаем (раненых, пленных) – то любим» [16, с. 59], то местное население Югославии не входило в концепт «нового гуманизма» и подверглось уничтожению во благо мира и защиты собственных ценностей и интересов стран НАТО [27]. Операторы беспилотников военного назначения так же не имеют прямой «сцепки» с мишенью, что в акторно-сетевой теории называется entanglement [28], поэтому они недоступны для средств поражения противника. Так, например, «сидя на безопасном расстоянии в Неваде ... Один и тот же пилот может утром подорвать машину в Афганистане, днем расстрелять группу подозрительных партизан в Ираке, а вечером вернуться к семье в Рино» [29, с. 3]. Забирая чужие жизни, сам оператор не умирает, а возвращает дрон за новым боекомплектом, чтобы вновь выйти на охоту и, обнаружив цель получить право на переход из роли смотрящего в роль судьи и палача.

Для достижения победы достаточно лишить противника способности сопротивляться и не

обязательно при этом прибегать к изощренным способам насилия. Сторонники «нового гуманизма» игнорируют этот основополагающий принцип, поэтому герб дрона MQ9 Reaper состоит из изображения Смерти с окровавленной косой и девиза «Пусть умрут другие» [5, с. 109], а на футболках, выпущенных в поддержку применения дрона Predator, была нанесена надпись «Можешь бежать, ты всего лишь умрешь запыхавшись» [5, с. 105]. Сторонники применения дронов, следуя принципу «Не умрет никто, кроме врага» сходятся во мнении о том, что такое оружие не только допустимо, но и «морально необходимо», выделяя его в особый класс утонченного, надежного и «гуманного оружия» [8, с. 146]. Новый гуманизм не оставляет врагам никаких шансов на жизнь. Современные дроны трансформировали сражение в насилие более высокого уровня. По этим причинам источником моральной обеспокоенности в обществе относительно применения дронов вертикального взлета и посадки стали массовые случаи преднамеренного и осознанного убийства безоружных и раненых военнослужащих. Под ракетным или артиллерийским огнем солдат полностью лишен возможности сдаться, в то время как оператор беспилотника способен визуально зафиксировать намерения противника, сложившего свое оружие или подающего сигналы о необходимости получения медицинской помощи.

В приведенных примерах основная идея гуманизма приобретает совершенно противоположную направленность, оправдывая как сам акт убийства, так и его исполнителей, аргументируя свой разворот наличием меньшего сопутствующего ущерба по сравнению с результатами применения других видов оружия для решения аналогичных задач. Термин «сопутствующий ущерб» был введен для определения масштабов последствий вооруженного воздействия, к которым относят «жертвы среди мирного населения (детей, женщин и престарелых) и разрушение транспортных систем или городской застройки, не являющихся военными целями» [30, с. 21]. В марте 2011 года в результате удара американского беспилотника были уничтожены 38 мирных граждан в районе Шига (Пакистан), только на основании того, что «их поведение напоминало образ действия повстанцев, связанных с Аль-Каидой (террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации)» [31, с. 34]. Произошедшая трагедия свидетельствует об отсутствии алгоритма, позволяющего оператору дрона достоверно отделить комбатантов от нонкомбатантов. Попытки ввести избирательность целей по форме одежды, наличию оружия и особенностям поведения не смогли дать ожидаемого результата. Не все повстанцы спешат переодеться в военную форму одежды, оружие в ряде стран разрешено иметь всем желающим, а особенности поведения человека воспринимаются правильно только после достаточно длительного времени общения с ним, чего однозначно полностью лишен оператор дрона. Подобные методы отбора целей в большей степени напоминают войну с тенью, имея доступ к которой невозможно точно определить, что за объект она в итоге отражает. Проявление такого гуманизма направлено не столько на разрешение конфликта, сколько на его дальнейшую эскалацию путем милитаризации общества «освобождаемых» стран против самих же освободителей. Один из лидеров радикального движения Талибан (террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации) в Пакистане вспоминал, что в течение трех месяцев работы смог завербовать только от десяти до пятнадцати человек, а после американского авиаудара их количество увеличилось до ста пятидесяти добровольцев [5, с. 83-84].

Умелое манипулирование общественным мнением относительно хирургической точности наносимых ударов, исключающих случайные смерти среди мирного населения, привело к изменению понимания гуманизма, отведя дронам роль «морально допустимого» оружия,

сохраняющего жизни тем, кто его применяет, а все отобранные мишени *a priori* считаются военными целями до тех пор, пока не будет доказано обратное. Смена полюсов гуманизма в отношении моральной допустимости применения дронов произошла не случайно. Окна Дж. Овертона^[32] стали инструментом убеждения и пошагового воздействия на человеческое восприятие по внедрению концепции дистанционного уничтожения. Алгоритм работы окон заключается в их пошаговом перемещении как в одну сторону от стадии немыслимого, через промежуточные уровни радикального, приемлемого, разумного, популярного до стадии государственной нормы, так и в обратную. Решение Японией использовать камикадзе в Тихоокеанской войне стало абсолютно неприемлемым для цивилизованного общества, но положило начало активному обсуждению и то, что ранее казалось античеловечным, в исламе получило статус радикального. Возможность ведения разведки без экипажа на борту, оставаясь при этом невидимым и недосягаемым, позволила перевести ситуацию в стадию приемлемой. Оснащение дронов высокоточными средствами поражения и выполнение боевых задач без риска для их операторов позволило подготовить общество к переходу на стадию разумного. Снижение сопутствующего ущерба и уничтожение исключительно врагов инициировало уровень популярного. На заключительном этапе использование дронов в качестве оружия было закреплено на законодательном уровне, определив тем самым новую концепцию ведения гуманного противоборства или, иными словами, запустив компанию по уничтожению.

Заключение

За последние несколько лет война перестала пониматься как прямое и открытое противостояние. Масштабным войнам, шедшим на истощение, на смену пришли вооруженные конфликты, в которых определяющим фактором борьбы стало время, измеряемое не днями и часами, а минутами и секундами. Основу успеха военных операций стало определять наличие высокоскоростной адаптивной информационно-коммуникационной сети управления подразделениями и оружием. Тот, кто сегодня следует антропоцентрической парадигме, или использует время на оценку обстановки и принятие решения неrationально обречен на неминуемое поражение. Прямое вторжение стало заменяться точечными ударами, направленными не на проведение ответных действий, а на заблаговременное устранение потенциальных носителей угроз способных эти действия организовать и провести.

Объединение на платформе беспилотных летательных аппаратов добывающих, информационно-управляющих и исполнительных элементов сделало дроны универсальным поражающим инструментом способным не только заменить основные виды традиционного дистанционного оружия, к которым можно отнести ствольную артиллерию, управляемые ракеты и средства их доставки, но и в процессе ведения корректировки огня превратить любой неуправляемый снаряд в высокоточное оружие. Сокращение потерь военнослужащих посредством их замены на безэкипажные аппараты нарушает ось симметрии вооруженного конфликта в отношении врага, который аналогичной замены произвести не может, а отсутствие точного алгоритма дистанционно-визуального отделения комбатантов от нонкомбатантов и вовсе приводит к многочисленным жертвам среди мирного населения. Реализуя в полном объеме классический паноптизм Фуко^[33], дроны дополнили его оказанием сильного психологического воздействия на противника и смогли трансформировать своим вмешательством жизненный уклад мирного населения, осуществляя его социальную изоляцию, порождая тотальную вражду и еще большее насилие. Асимметризация современных войн делает синонимами «победу» и «гуманитарную катастрофу»,

«гуманизм» и «убийство», а генезис развития технологий дронов противопоставил огнестрельному, ядерному и высокоточному оружию обычное радиоуправляемое устройство, которое стало особенно популярным среди военных и представителей современного гуманизма.

Библиография

1. Деланда М. Война в эпоху разумных машин: перевод с английского Д. Кралечкина. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 338 с.
2. Margulis L. Symbiotic Planet: A New Look at Evolution. – New York: Basic Books, 1999, 176 р.
3. Дрон Пентагона решил убить своего оператора во время испытаний. Rbc.ru: сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294>. (дата обращения: 15.11.2024).
4. Singer P. Wired For War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. – New York: Penguin, 2009, 512 р.
5. Шамаю Г. Теория дрона: перевод с французского Е. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. – 280 с.
6. Scharre P. Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. – New York: W.W. Norton & Company, 2018, 384 р.
7. Strawser B.J. Killing by Remote Control: The Ethics of an Unmanned Military. – New York: Oxford University Press, 2013, 296 р.
8. Benjamin M., Ehrenreich B. Drone Warfare: Killing by Remote Control. – New York: OR Books, 2012, 241 р.
9. Балаклец Н.А. Война и ее трансформации в современном обществе. Опыт политико-философского анализа. – СПб.: Алетейя, 2024. – 330 с.
10. Балаклец Н.А. Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. – 2021. – № 5. – С. 116–128.
11. Беспилотные летательные аппараты: основы устройства и функционирования: учеб. пособие / Афанасьев П.П., Голубев И.С., Туркин И.К. [и др.]. – М.: МАИ, 2008. – 654 с.
12. Литвиненко В.И. Беспилотники – применение и борьба с ними: учеб. пособие. – М.: ООО «Торговый дом «Советский спорт», 2022. – 280 с.
13. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия, в: Соловьев, В. С., Избранное, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 792 с.
14. Карсавин, Л. П. Человек в христианстве, в: Карсавин Л. П., Философия истории, Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – 768 с.
15. Юнгер. Э. В стальных грозах. Спб.: Владимир Даль, 2000. – 336 с.
16. Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926. – 267 с.
17. Шмитт, К. Теория партизана: перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца под редакцией Б.М. Скуратова. – М.: Практис, 2007. – 301 с.
18. Warden, J. A. The Air Campaign: Planning for Combat / J. A. Warden. – San Jose, New York, Lincoln, Shanghai: toExcel Press, 2000, 184 р.
19. Макаренко С. И. Сетецентрическая война – принципы, технологии, примеры и перспективы: монография / С. И. Макаренко, М. С. Иванов. – СПб. : Наукоемкие технологии, 2018. – 898 с.
20. Ивлев, А. А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации: монография / А. А. Ивлев. – Москва, 2008. – 64 с.
21. Hershey B. Skyways of Tomorrow. – New York: Foreign Policy Association, 1944, 96 р.
22. Zaloga S. Unmanned Aerial Vehicles: Robotic Air Warfare 1917–2007. – Westminster, MD: Osprey Publishing, 2008, 48 р.

23. Военный энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова: в 2 томах. – М.: «Рипол классик», 2001. – Т. 2. – 814 с.
24. Yenne B. Attack of the Drones: A History of Unmanned Aerial Combat. – St. Paul: Zenith Press, 2004, 127 р.
25. Философский энциклопедический словарь / главная редакция Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.
26. Клешан Пюи дю, Ф. Рыцарство. – СПб.: Евразия, 2004. – 192 с.
27. Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. – М.: Практис, 2002. – 320 с.
28. Социология вещей: сборник статей / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – 391 с.
29. Вахштайн В. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 / В. Вахштайн // Логос _ Философско-литературный журнал. – 2017. – Т. 27. № 2. – С. 1–49.
30. Линди С. Разум в тумане войны. Наука и технологии на полях сражений: перевод с английского Н. Колпаковой. – М.: «Альпина нон-фикшн», 2022. – 390 с.
31. The Civilian Impact of Drones: Unexamined Costs, Unanswered Questions. Center for Civilians in Conflict and Human Rights Clinic at Columbia Law School, 2012, 83 р.
[Электронный ресурс] – URL:
<https://hri.law.columbia.edu/sites/default/files/publications/The%2520Civilian%2520Impact%2520of%2520Drones.pdf>. (дата обращения: 15.12.2024).
32. Сивков К. Бациллы плюрализма // Военно-промышленный курьер. – 2016. – № 5(620). – С. 10.
33. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем, 1999. – 480 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «От антропоцентризма к сетевентризму: дроны как инструмент трансформации современных войн»

Объектом представленной работы являются гуманитарные последствия внедрения современных видов дистанционного оружия. В качестве предмета исследования выбран процесс трансформации современных войн вследствие превращения дронов гражданского назначения в неконвенциональное оружие. Как отмечает автор, в условиях нового типа войны основная идея гуманизма приобретает совершенно противоположную направленность, оправдывая как сам акт убийства, так и его исполнителей, аргументируя свой разворот наличием меньшего сопутствующего ущерба по сравнению с результатами применения других видов оружия для решения аналогичных задач.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза. Также в качестве методологической основы для проведения системного исследования использованы концепции сетевентризма и механизм окон Дж. Овертона.

Актуальность работы определяется тем, что в наши дни успешное применение дронов в воздушном пространстве позволило переосмыслить традиционную концепцию ведения вооруженного противоборства в пользу дистанционной войны. Антропоцентристические

войны сменились сецентрическими. Проблемы, которые возникают при таком машинно-человеческом взаимодействии требуют всестороннего анализа и осмысления в рамках философского подхода.

Научная новизна работы состоит в выявлении и описании процесса трансформации классической (антропоцентрической) концепции войны в сетецентрическую вследствие внедрения дистанционного оружия. Автор рассматривает фундаментальное отличие антропоцентрических войн от сецентрических. Автором выявляется преимущество сецентрической войны, которая выражается в том, что формирование единого информационно-коммуникационного пространства с распределенной сетевой архитектурой менее подвержено воздействию преднамеренных помех и позволяет добиться от объединенных в сеть средств вооруженной борьбы высоких боевых возможностей значительно превышающих эффективность от применения тех же средств по отдельности, что было недоступно в эпоху антропоцентрических войн. Техническая эволюция дронов, начавшаяся с оптимизации подцикла «наблюдай», в конечном итоге позволила реализовать на одной платформе весь цикл OODA, объединив в себе добывающие, информационно-управляющие и исполнительные элементы сетецентрической войны. Использование дронов порождает и гуманитарные вопросы, связанные с психологическим насилием и социальной и изоляцией жертв среди мирного населения. Автор делает закономерный вывод о том, что асимметризация современных войн делает синонимами «победу» и «гуманитарную катастрофу», «гуманизм» и «убийство», а генезис развития технологий дронов противопоставил огнестрельному, ядерному и высокоточному оружию обычное радиоуправляемое устройство, которое стало особенно популярным среди военных и представителей современного гуманизма. Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Библиография содержит 33 источника, посвященных теме современной войны. Работа представляет значительный научный интерес с точки зрения попытки осмысления новых типов войны, применяемых цифровых технологий, которые ставят фундаментальные мировоззренческие и моральные вопросы.